

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«КАЗАК В РАЮ»
«ААРГХ»
«КАЗАК В АДУ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Цикл

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

БАГДАДСКИЙ ВОР

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 215

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Багдадский вор: Фантастический роман/Послел.
И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2012. — 438 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1068-2

О благословенный город, воспетый Шахерезадой! Высокие минареты, пение муэдзинов, призывающих правоверных к вечерней молитве... И вот уже лучатся яркие звезды на бархатном фиолетовом небе. Дурманящий аромат ночи, трепет листьев чинара. Топот арабских скакунов—грозные стражи порядка спешат в свои казармы. И наконец, монотонный стук колотушки и убаюкивающий голос: «Спите, жители Багдада, всё спокойно! В Багдаде всё спо...» О горе! Вай мэ! Уже несколько дней не знает сна и покоя главный правитель города наимудрейший Селим ибн Гарун аль-Рашид. Вай дод! Рыщет по всем улочкам и проулкам его верный слуга, высокородный господин Шехмет, и ищет он Багдадского вора по имени Лев Оболенский!

В общем, не обошлось здесь дело без таинственных волшебных сил... Заскучал как-то великий сочинитель рубаи Хайям ибн Омар и решил залить тоску содержимым старинного кувшина, из которого и не замедлил появиться очень чёрный и очень весёлый джинн. На радостях пообещал дух выполнить три желания. Старый борец за справедливость, Хайям давно мечтал о достойном преемнике. Но так как джинн был нетрезв, иными словами—«в стельку пьян», то и оказался наш голубоглазый герой, москвич нового тысячелетия, потомственный дворянин на... средневековом Востоке...

ISBN 978-5-9922-1068-2

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2002
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2002

«Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Вознесём молитву к престолу Всевышнего и с молитвой начнём наше повествование. Воистину велик и мудр Аллах и бессмертны деяния его... Ибо осенил он благодатью своей души правоверных и возвёл к небесам руки свои, извечно благословляя славный город Багдад. И правил тем городом могучий эмир Селим ибн Гарун аль-Рашид, чьё громкое имя из века в век будут прославлять благодарные мусульмане. Сурово искоренил он один из самых страшных пороков души человеческой — воровство! Зорки были его стражи, неподкупны судьбы и суровы палачи — кровь рекой лилась на плахах, и ни один грешник не избежал заслуженной кары! Но горек был день, когда на улицах спящего Багдада появился молодой человек с кожей белой, как снега Шахназара, и глазами голубыми, как купола Бухары, а гордое имя его звучало подобно бубнам Хочкара — Лев Оболенский!

Очень коротенькая биографическая справка: «Оболенский Лев Николаевич, 1967 года рождения, русский, прописан и проживает в городе Москве. Женат, имеет годовалого сына, работает помощником прокурора.

Рост выше среднего, телосложение крупное, волосы тёмно-русые, кудрявые. Действительный член Дворянского собрания России, потомок древнего аристократического рода. Всего в жизни добивался сам...» Натура разносторонняя, увлекающаяся, что, впрочем, не мешает ему иметь трезвый взгляд на реальные вещи. До описываемых нами событий — ни в чем предосудительном не участвовал, фантастику не читал и всё произошедшее с ним долгое время скрывал даже от друзей. Мы были знакомы достаточно давно, но встречались редко: я не каждый день бываю в Москве, он в Астрахани — ещё реже.

Так вот, год назад, случайно прочтя мою автобиографическую книгу о приключениях тринадцатого ландграфа, Лев позвонил и поделился очень загадочной историей. Проблема переселения душ и множественности воплощений человека на этой земле волновала умы не одного поколения. Думается, что этот рассказ внесёт свою скромную лепту и, быть может, послужит для кого-то уроком. К моему дружескому предложению написать что-либо на эту тему сам Оболенский отнёсся довольно скептически. Мне так и не удалось убедить его в том, что вся эпопея, сделавшая его знаменитым Багдадским вором, в должной мере оригинальна и поучительна. Но, увы... прочтя мои первые намётки романа, Лев сказал, что это никому не будет интересно, потому как тысячу раз уже было и в кино, и в литературе, и наотрез отказался ставить своё имя в соавторах. А посему прошу видеть во мне, а не в господине Оболенском, истинного автора сего повествования. Итак...

Лев не верил в сказки. Москва вообще очень быстро отбивает у своих детей веру в чудеса. Слезам столица традиционно не верит, но щедро наделяет взамен холодным практицизмом, трезвой расчётливостью, при-

вычкой полагаться исключительно на себя и особой, только москвичам присущей, гордостью. Приезжие единодушно называют москвичей высокомерными снобами. Это ложь! С полной ответственностью заявляем, что настоящие, коренные жители столицы — народ общительный, хлебосольный и чрезвычайно деловитый. Если вы приехали сюда в первый раз — вам не откажут в ночлеге, накормят ужином, поддержат советом, но, увы, на этом всё. Превыше всего москвичи ценят в человеке самостоятельность. Тебе помогли? На следующее утро берись за дела, барахтайся, как можешь, но выплывай сам. Сажать тебя на шею никто не обязан... Думаю, что подобное лирическое отступление немного поможет вам понять характер нашего героя и не удивляться, почему он порой поступал так или иначе.

Дело в том, что памятным утром середины января позапрошлого года на Льва Оболенского неожиданно свалились самые настоящие чудеса. Сначала был сон... Длинный, маловразумительный сон, мучивший его почти полночи. Лев дважды просыпался в холодном поту, ругался, чашками пил кофе на кухне, ложился вновь, но сон возвращался с завидным постоянством. Чёткого сюжета в нём не было, а суть неизбежно сводилась к одному — смерти! Вроде бы он, Лев Николаевич, разгуливает по сказочной Бухаре, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи». Щёлкает дорогим фотоаппаратом, грызёт арахис в меду, чуть улыбается проходящим красоткам в чадрах и, как вежливый российский турист, никого не обижает. Шумит восточный базар, размахивают руками крикливые торговцы, взад-вперёд снуют босоногие мальчишки; нищие, гнусавя, просят подаяния... А небо над головой — синее-синее, облака белые-белые, и огромный диск солнца похож на золотой казан самого эмира! Утомлённый Лёвушка

останавливается в тени навеса торговца редкими тканями. Вытирает пот со лба, улыбаясь, пытается на пальцах объяснить хозяину, что ничего не покупает, зашёл просто так... Лицо лавочника становится злым, он хватается Оболенского за руку и тонко кричит на весь базар:

— Этот человек — вор! Он украл тень! Он наслаждался её прохладой и не заплатил ни таньга!

Сначала москвич громко смеётся, как бы над удачной шуткой... но когда появлялась какая-то устаревшая стража... с копьями, кривыми мечами, и его пытались обезглавить прямо у прилавка — за воровство! — Лев кричал и... просыпался. Во второй раз всерьёз обеспокоенная жена предложила ему валерьянки. Оболенский встал, с тоской взглянул на часы и, поняв, что уснуть всё равно не удастся, отправился в ванную. После душа и завтрака с остатками вчерашнего торта он не придумал ничего умнее, кроме как отправиться на работу. Контора открывалась в девять, но Лев счёл, что вполне убедит ночного охранника пропустить его в такую рань. Следующее действие произошло на улице, сразу по выходе из подъезда. К нему привязался старый узбек, один из тех бродячих попрошайек, что заселили сейчас едва ли не весь Киевский вокзал. Старик, видимо, не знал ни слова по-русски, только кланялся и, поминая Аллаха, совал под нос Льву затёртую до дыр тубетейку. Москвичи не любят давать милостыню, особенно тем, кто её, по сути, вымогает. После третьей попытки обойти настырного старика Оболенский вспылал, достал из кармана рубль и приготовился высказать азиату всё, что он думает об их занюханном, но суверенном Востоке. А старый узбек вдруг, глаза в глаза, уставился на молодого помощника прокурора, хлопнул себя тубетейкой по колену, ощерив в улыбке редкие острые зубы:

— Ай, шайтан! Якши шайтан! Весь Багдад его ищет, а он тут гуляет... Настоящий шайтан, клянусь бородой пророка Мухаммеда! — И узкоглазый дедок вновь забормотал что-то узбекское, бодро хромя в обратную сторону. Лев от избытка чувств шумно выругался матом, нарвавшись на ответное воронье карканье с ближайшего мусорного ящика. Третье событие произошло по дороге на работу и оказалось роковым. Москва — деятельный город: даже если вы отправляетесь на работу в шесть утра, то всё равно пойдёте в плотной толпе таких же ранних пташек. У каждого свои планы, свои заботы, свои сложности — до ваших проблем никому дела нет. И всё-таки Лев не мог отвязаться от ощущения того, что за ним кто-то следит. Сначала он гнал от себя это чувство, как первый признак паранойи. Потом начал невольно оглядываться в поисках того, кто так упорно сверлил его спину взглядом. На улице, в троллейбусе, в переходах метро, в поезде — везде его преследовали незнакомые глаза, колючие, как рентгеновские лучи. Они были повсюду — слева, справа, сзади, сверху, снизу. Лев всей кожей ощущал нереальную физическую мощь направленного взгляда, но никак не мог встретиться с преследователем глаза в глаза... Сначала это даже тревожило, потом стало раздражать! Дворянская кровь Оболенских никогда не отличалась долготерпением, а уж о трусости в их роду вообще не слышали. Когда разгорячённый невидимым соглядатаем Лев встал на пороге своей конторы и резко обернулся, его голос действительно походил на рык царя зверей:

— Какого чёрта?! А ну выходи, подлец, и поговори со мной как мужчина с женщиной! Или, клянусь аллахом, я...

С чего ради он стал клясться светлым именем всевидящего и всемилостивейшего, Лев не в состоянии

объяснить до сих пор. Видимо, слишком много восточного в тот день свалилось ему на голову... А в ту скорбную минуту его ботинок самопроизвольно соскользнул с порога госучреждения, и благородный господин Оболенский всем весом опрокинулся на спину, тяжело ударившись затылком о холодный асфальт. Как его поднимали, вызывали «скорую» и везли в больницу— он не помнил. Главным для нашего рассказа остаётся одно: молодой человек впал в глубокую кому, и всё, что мы знаем о его тогдашнем состоянии, почерпнуто из скудных строчек медицинских отчётов:

«...дыхание ровное, пульс непрерывный. Больной не реагирует на посторонние раздражители. Отечественная медицина не располагает средствами, способными эффективно улучшить состояние пациента. Ведутся переговоры с американской клиникой в Нью-Джерси. Их опыт работы с больными в состоянии комы более обширен, хотя, по утверждению самих американских специалистов, полной гарантии у них тоже нет...»

* * *

Путешествие в Арабские Эмираты со скидкой, в багажном отделении...

Всё ещё Горящие Путёвки

Лев пришёл в себя от невразумительного шума. Два голоса, яростно споря, ругаясь и перекрикивая друг друга, пробивались в его затуманенное сознание... Сначала он даже счёл их появление новым дурацким сном. Глаза открывать не хотелось по причине безумно болевшего затылка, наверняка его стукнули паровозом... Что такое паровоз, Лев не знал, но почему-то был уверен, что эта штука очень тяжёлая. Он ощущал своё тело непривычно лёгким, руки и ноги словно висели

в воздухе, а вот припомнить, что конкретно с ним произошло и где он сейчас находится,— никак не удалось. Не желая усложнять себе жизнь натужным шевелением мозгами, Оболенский расслабился и более благосклонно прислушался к настырным голосам, продолжающим незаконченный спор...

— Ты старый, бесполезный, пьяный, тупоумный джинн! Кого ты мне притащил, чтоб Азраил пожрал твою печень?!

— Я не старый... Мне всего двенадцать тысяч лет, а по меркам джиннов...

— У-и-ий, он ещё спорит со мной?! Ты прожил столько веков, а ума в твоей пустопорожной башке — как в пересохшей тыкве! Не позорь мою седую бороду, скажи ради аллаха, кого ты приволок в эту хижину?

— Ты просил молодого, сильного человека, не знающего страха перед законом, смеющегося над эмиром, плюющего на происки шайтана и, самое главное...

— Самое главное, ослоподобный Бабудай-Ага, чтобы он был неместным и никто не знал его в лицо!

Здесь разговор прекращается по причине длинного перечисления цветистых арабских ругательств. Тот, кого называли джинном (или Бабудай-Агой), оправдывался односложно и как бы нехотя. Зато второй, чей визгливый, старчески дребезжащий голос буквально резал уши, украшал свои проклятия столь поэтичными образами, что Лев невольно заслушался. Каждый аксакал на Востоке — обязательно мудрец, а каждый восточный мудрец ругается очень поэтично... Это юным и влюблённым позволено по глупости облекать свои мелкие страсти в дивные узоры рифмосплетённых строчек. Человек, поживший на свете, знает, как скоротечна молодость, а потому тратит благословенный дар Аллаха исключительно на ругань! Ибо в этом есть свой высший смысл передачи мудрости уходящего поколения лег-

комысленным юнцам, иначе они просто не поймут... Вот нечто такое и пытался донести до всего белого света неизвестный старик, распекающий неизвестного джинна. Оболенский попытался повернуться на бок, но тело отказывалось ему повиноваться, и он вновь сосредоточил внимание на голосах, которые звучали теперь так близко, что уши начинали побаливать...

— Мне был нужен вор! Самый ловкий, самый неуловимый, самый искусный вор, чьё имя с восторженным придыханием произносили бы от вершин Кафра до низовий Евфрата. Его глаза должны быть подобны зелёным очам кошки из Сиама, руки — сильны и упруги, словно клинки Дамаска, шаг — неуловим и лёгок, подобно златотканым вуалям Каира...

— Вах, вах, вах... как красиво ты говоришь, господин мой!

— Я тебе не о красоте говорю, о козлоподобный сын безволосого шакала! Я спрашиваю: кого ты мне притащил?!

— Хозяин, он сильный, смелый очень и умный тако-о-й... Я два раза проверял, снами мучил, денег просил, присматривался, клянусь аллахом!

— Не смей произносить имя Аллаха, светлого и великого! О моё старое сердце, оно не выдержит праведного гнева, гложущего мои бранные кости... Молчи, молчи, гяур лукавый!

— Ну гяуром-то зачем обзывать...

Лев почувствовал, как у него чешется нос. Поверьте, человек может стойко перенести многое, но, когда нет возможности почесать там, где чешется,— это одна из самых страшных пыток в мире. Может быть, его, спящего, укусил комар, может быть, по носу пробежал муравей, может быть, даже намеревался вскочить прыщ какой-нибудь,— не важно... главное, что Лев Оболенский всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями

поднял казавшуюся эфемерной руку и упоённо поскрёб переносицу. Оба голоса дружно слились в единый вздох то ли умиления, то ли разочарования. Не прерывая почёсывания, наш герой открыл наконец глаза. И... закрыл почти сразу же, так как увиденное ничуть его не обрадовало. Вроде бы он лежит абсолютно голый на старом, давно не стиранном одеяле, прямо на полу в грязнейшей хибарке, а рядом с ним препираются, сидя на коврике, два странных субъекта. Один маленький и какой-то коричневый, другой высоченный и чёрный, как негр.

— Вай дод! У него ещё и глаза голубые?! О недоношенный щенок чёрной пустынной лисы, я в последний раз тебя спрашиваю: кого ты мне приташил? Кожа белая, как брюхо у лягушки; плечи широкие, как у бурого медведя; пальцы тонкие, как у продажной женщины; глаза голубые, как... О, храни аллах, какой урод!!!

— Там, где я его брал, все такие страшные...

Вот тут уж господин Оболенский не сдержался. Во-первых, он решительно открыл глаза и огромным усилием воли сел. Голова сразу закружилась, но он не позволил себе даже малейшего проявления слабости. Во-вторых, Лев набрал полную грудь воздуха, чтобы обрушиться на грубиянов, но не успел. Он неожиданно поймал себя на том, что смотрит сквозь чёрного гиганта, словно бы тот был не из плоти и крови, а из закопчённого стекла.

— Господи Иисусе...— изумлённо сорвалось с его губ.

— Ва-а-х...— на почти истерическом писке выдавил старый, как карагач, дедок в застиранном халате и драной чалме.— Так он ещё и неверный! Христианин! О жёлтые почки протухшего верблюда, ты что, не мог найти кого-нибудь в мусульманском мире?! Сейчас же отнеси его обратно!

— Это второе желание? — уточнил джинн.— Тогда слушаю и...

— Не-е-е-т!!! — быстро опомнился старик, обеими руками цепко схватив Оболенского за ухо.— Он — мой! Я передумал! Вай... позор на мою седую голову... Как я могу подготовить себе достойную замену и навек отрешиться от дел, посвятив помыслы Аллаху, если бестолковый джинн приволок мне такое чудовище...

— А... вы о ком это? — Праведный гнев Льва мгновенно улетучился, сменившись скорее жадным любопытством, усугубившимся тем, что в голове у него было абсолютно пусто. И пусто, к сожалению, в самом страшном смысле этого слова...

— Вай мэ...— безнадёжно махнул рукой словоохотливый владделец чалмы.— Куда деваться, приходится брать, что дают... Скажи мне своё имя, о страшнейший и уродливейший из всех юношей Багдада!

— Не помню...— неожиданно для самого себя выдал наш герой.

— Как так не помнишь?!

— Так... не помню. И ухо моё отпустите, пожалуйста.

— Кто ты такой? Кто были твои родители? Чем ты занимаешься, какому ремеслу обучен? Откуда родом?

— Не знаю. Не помню. Понятия не имею,— честно отвечал Лев, а старичка, похоже, вот-вот должен был хватить сердечный приступ.

— Ходил ли в медресе? Читал Коран? Чтишь ли Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего?!

— Хозяин, он же христианин...— тихо вмешался Бабудай-Ага, но тут же получил своё.

— А ты вообще молчи, тяжёлый аромат коровьего помёта! Я просил доставить ко мне умного, красивого, вежливого юношу из хорошей семьи, с благородными манерами, правоверного мусульманина... А это что?! Неизвестно кто, неизвестно откуда?!

— Тот, кого ты описываешь, аксакал, ни за что на свете не согласился бы стать вором,— резонно возразил джинн.— А этот молодой человек будет в твоих руках послушной глины под пальцами умелого гончара.

— Я вспомнил! Вспомнил! — Обсуждаемый объект подпрыгнул на тряпках и выпрямился во весь рост.— Я — Лев Оболенский!

* * *

Тут я понял — это джинн, он ведь может многое...
Он ведь может мне сказать — враз озолочу!
Ваше предложение, говорю,— убогое.
Морды будем бить потом, я вина хочу!

В. Высоцкий. Из куплетов к «Старику Хоттабычу»

К сожалению, это оказалось единственным, что злая судьба даровала бывшему помощнику прокурора. Он сумел вспомнить только своё имя, ни больше ни меньше... Быть может, джинн как-то неправильно повернул волшебное заклинание или удар затылком об обледеневший асфальт не прошёл бесследно,— беднягу поставили перед свершившимся фактом. Лев абсолютно ничего не помнил, но врождённый оптимизм и непоколебимая вера в собственные силы всколыхнули в нём ту неистребимую, вечную жажду жизни, столь характерную для каждого истинно русского человека. Пусть он ничего не помнит и не знает, пусть он наг и одинок, но руки и ноги пока целы, голова на месте, а значит, он сумеет найти своё место даже в этом чужом мире! И ещё посмотрим, кому будет хуже...

Старика в чалме звали Хайям ибн Омар. Лев был убеждён, что где-то уже слышал это имя, но, естественно, никак не мог припомнить, где? Характер у старого Хайяма был вздорный, внешность — вроде смор-

щенной луковицы с козлобородой порослью. Как понял Оболенский, в молодости дедок отличался завидной крутизной нрава и наводил шороху везде, где мог. То ли был великим разбойником, то ли вором, то ли аферистом, в общем, крупным спецом по криминальной части... На старости лет начал пить, отсюда впадать в философию, пописывать нравоучительные стишки и вести в целом законопослушный образ жизни. В те времена власти решили ужесточить режим контроля над преступным элементом — и многие друзья и ученики старика были казнены на плахе без всякого суда и следствия. Бывший «авторитет» поклялся отомстить, но не сносить бы и ему головы, если бы по воле всемогущего Аллаха не обнаружил он в одном из старинных кувшинов не вино, а настоящего джинна! Бабудай-Ага выполз из горлышка пьяным в стельку, на радостях пообещав дедуле исполнить три его желания. Умудренный долгими часами размышлений над пиалой с крепленными напитками, Хайям ибн Омар принял судьбоносное решение — найти себе достойного преемника и, передав ему всё своё мастерство, спустить этот бич божий на мирно спящий эмират. Всё ещё не совсем протрезвевший джинн отправился на поиски и... доставил в близлежащие от Багдада пустыни того самого Льва Оболенского, чьё тело на данный момент в состоянии комы возлежало под капельницей в НИИ Склифосовского. Как получилось, что один человек одновременно находился и тут и там, до сих пор никто не сумел более-менее связно объяснить... Джинн за дорогу быстренько выветрил из головы весь алкоголь, а его теперешний хозяин, не переставая ругаться и жаловаться, носился взад-вперёд по хижине, лихорадочно размышляя: куда бы теперь пристроить этого голубоглазого великана? Внешность Льва мгновенно стала его минусом, а вот потеря памяти, наоборот,

плюсом, ибо представляла поистине неограниченные возможности. Чем дедушка и не преминул воспользоваться...

— О возлюбленный внук мой, пользуясь благорасположенностью Аллаха, я спешу раскрыть тебе тайну твоего рождения. Будь проклят шайтан, лишивший тебя памяти... Но преклони свой слух к моим устам и внимай, не перебивая. Ты родился в славном роду великих воров Багдада!

— Вот блин... Саксаул, а ты точно уверен, что мои предки были большими уголовниками?

— Не саксаул, а аксакал! Аксакал — пожилой, уважаемый человек, а саксаул — это верблюжья колючка! Сколько можно повторять, о медноголовый отпрыск северных медведей?!

— Ладно, не кипятись... Я ж не со зла, просто слова похожие...

Старый Хайям мысленно вознёс молитву к небесам, прося даровать ему долготерпение. На самом деле Лев постоянно ставил своего учителя в тупик совершенно неизвестными и явно немусульманскими словечками. Нет, память так и не вернулась к нашему герою, но его речь навсегда осталась яркой и самобытной речью молодого россиянина нашего века. Оболенский ни за что не мог бы объяснить, что означает то или иное выражение, но к нему быстро вернулся столичный гонор и особый, присущий только москвичам, «чёрный юмор», чаще приписываемый врачам и юристам.

— О'кей, дедушка Хайям! Общую концепцию я уловил, можешь лишний раз не разжёвывать. Родоков себе не выбирают, примиримся с тем, что есть. Ты только поправь меня, если я собьюсь с курса партии... Итак, как я тебя понял, все мои предки по материнской линии были валютными аферистами и мастрячили полновесные динары из кофейной фольги. Папашка был

карманником, дед — конокрадом, дядя ввел рэкет на караванных тропах, и громкое имя Оболенских громыхало кандалами от Алма-Аты до Бахчисарая. Кстати, как там фонтаны? А, не важно... Стало быть, я с малолетства был передан тебе на воспитание и заколдован злым ифритом, чтоб ему охренеть по фазе конкретно и бесповоротно! Я правильно так цветисто выражаюсь? За пять с лишним лет эмир Багдада публично репрессировал всю мою родню, и они сгнули на Соловках. Тебе же удалось скрыться, подкупить Бабудай-Агу и в конце концов вернуть меня к жизни как общественно полезного члена коллектива. Верблюд моих мыслей дошёл до колодца твоего сознания, не рассыпав по пути ни зернышка смысла из хурджинов красноречия?

— Ва-а-х, как он говорит, хозяин...— восхищённо прищёлкнул языком чёрный джинн.— Клянусь аллахом, у него за плечами целых два медресе!

— Я понял только про верблюда,— сухо откликнулся Хайям, но Льва это ничуть не обескуражило.

— А теперь ты хочешь, чтобы я, как праведный сын нереабилитированного врага народа, взял в руки меч возмездия и обкорнал им бороду эмира? С моей стороны — нон проблем, вопрос лишь в отсутствии специальных навыков. Чёй-то мне кажется, что мой батяня не особо утруждался образованием отпрыска...

— Что ты хочешь сказать? — окончательно запутался дед.

— Я воровать не умею,— честно улыбнулся Оболенский.

— Ах, это...— безмятежно отмахнулся Хайям, и его узловатые пальцы сделали тайный знак наострившему ушки джинну.— Знай же, мой возлюбленный внук, что на самом деле ты являешься величайшим и искуснейшим из всех воров Багдада!

— Не может быть...

— Бабудай-Ага, подтверди! — торжественно приподнялся старик, и джинн, пробормотав привычное «слушаю и повинуюсь», кивнул, скрестив руки на волосатой груди. Массивное золотое кольцо в его носу даже задымилось от напряжения, а Лев ощутил лёгкое покалывание в кончиках пальцев. В хижине потемнело, огонь в очаге пригнулся, словно прячась от ветра, где-то далеко громыхнули раскаты грома... Потом всё как-то резко оборвалось, на секунду вообще все звуки пропали.

Хитро сощурился и без того невозможно узкие глаза, старый азиат подсел поближе и протянул ладонь. На ней тускло поблёскивала маленькая медная монетка...

— Смотри сюда, видишь — это таньга. Сейчас я её спрячу, отвернись.— Хайям подумал, ощупал чалму, похлопал себя по бокам, порылся в лохмотьях драного халата и, едва удерживаясь от самодовольного хихиканья, спросил: — Ну, умнейший из молодых юношей с двумя медресе за плечами, где таньга?

— Вот...— Оболенский простодушно разжал кулак, демонстрируя лежащую у него на ладони денежку. Хайям ибн Омар буквально окаменел от такой непревзойдённой наглости, а Бабудай-Ага повалился на пол, гогоча, как сумасшедший:

— Он... он обокрал тебя! Клянусь аллахом, хозяин... этот человек и есть настоящий Багдадский вор! Вай мэ, вай дод, уй-юй-юй!!!

* * *

Даже лев может подавиться костью убитого им зайца...

Безутешная вдова-львица

Вы наверняка задаётесь логичным вопросом: каким образом русский человек так легко и непринуждённо заговорил на древнеарабском или персидском? Увы,

мне нечем удовлетворить ваше любопытство... В первую очередь потому, что сам Лев этим таинственным обстоятельством заинтересовался только после того, как я лично его об этом спросил. Оболенский крепко задумался и в недоумении развёл руками — удобнее всего было бы свалить всё на безответственного джинна, тот всё равно не может за себя заступиться... Хотя лично я склоняюсь к одной из версий множественности миров: обычно человек, попадая в некое параллельное измерение, с удивлением обнаруживает способность говорить на всех местных наречиях. В самом деле, если бы владение языком Лев получил от чернокожего Бабудай-Аги, то что мешало джинну даровать ему и полное знание обычаев, традиций, религии и сложных общественных взаимоотношений Востока? Но, как нам известно, говорить Оболенский мог, а вот относительно всего прочего...

— Покажись, о мой высокорослый внук, дай мне ещё раз на тебя полюбоваться! Ах, вай мэ, ты горечь моей печени и печаль селезёнки... Легче одеть в халат самый большой минарет Бухары, чем тебя! А теперь повернись... Не-е-т!

«Хр-р-р-р-п-ш-уп!» — с тихим предательским треском сообщили рукава, превращая халат в жилет. Лев сплюнул, помянул шайтана и попробовал присесть. «Хр-р-р!» — раздалось снова...

— М-да... это не джинсы «Леви страус», — раздумчиво признал Оболенский. — Дедушка, ты мне такие колготки больше не бери, я из них вырос. Давай смотаемся до ближайшего фирменного магазина и купим мне приличные брюки.

— У, дебелиый нубийский бык... — прикрыв ладонями лицо, простонал Хайям. — Внук мой, ты же вор! Тебе нельзя ничего покупать, ибо это недостойно и

оскорбительно для представителей нашего ремесла. Ты можешь только красть!

— Как скажешь, саксаул...

— Аксака-а-л!!! Вай дод, что я буду делать с этим недоношенным царём зверей?! Меня поднимет на смех весь Багдад! Как ты сможешь отстоять семейную честь против Далилы-хитрицы или даже самого Али Каирского? Я уж не говорю о сотне молодцов Шехмета из городской стражи... Тебя поймают, как только ты делаешь первый шаг из нашей благословенной пустыни в сторону караванных троп!

— Японский городовой, так мы ещё и в пустыне?! — ахнул Лев, впервые за последние два часа заинтересовавшийся тем, что находится за порогом стариковской хижины. Откинув полог, он решительно шагнул наружу и замер, сражённый... Стоял тёплый летний вечер. По линии горизонта, насколько хватало взгляда, высились золотые барханы, с одной стороны залитые оранжевым светом заката, а с другой — играющие глубокими голубыми тенями. Небо над головой казалось пронзительно-синим и кое-где уже искрилось праздничными хрусталиками звёзд. А воздух... Какой освежающий воздух бывает в пустыне на исходе дня! Потомственный русский дворянин, Багдадский вор, Лев Оболенский долгое время молчал у забытой богом хижины, восторженно вглядываясь в бескрайние пески и размышляя, почему же всё это кажется ему таким новым и незнакомым...

Хайям ибн Омар поставил эту грубую конструкцию из жердей, шкур и почерневшего войлока ещё в незапамятные времена, когда был куда моложе своего нынешнего «внука». Невысокая гранитная скала сзади укрывала жилище от ветра и дарила тень. Три пальмы, старый колодец, дававший не больше одного ведра воды в день, да скудные запасы муки и риса — вот и

всё хозяйство. На самом деле у Хайяма был маленький домик в Бухаре, где он доживал последние годы в обнимку с кувшином, а о старом убежище в пустыне он вспомнил, лишь когда в пьяном угаре поклялся Аллаху найти, для усмирения гордыни эмира, нового, молодого преемника. Всё остальное вы знаете, а потому продолжим...

— Дедуля! Всё, вернулся я. Надышался чистым воздухом и вновь припадаю к стопам твоей мудрости с пылкими лобзаниями...

Оболенский широко распахнул объятия и, поймав не ожидавшего ничего подобного Хайяма, от души прижал старца к могучей груди. Аксакал трепыхался и дёргал ногами в тапочках. Бесполезно... Лев выпустил несчастного, лишь до конца исчерпав весь запас внучатой любви. Потом, прищурясь, огляделся и шагнул ко второй безответной жертве:

— Бабудай-Ага, какого лешего?! Сидишь тут у огня, уже чёрный весь, копаешься в золе, словно Золушка какая... Давай украдём где-нибудь ящик пива и хряпнем за знакомство?!

— И думать не смей, шайтан кудрявый! А ты куда?! Сядь! На место сядь, о глупейший из джиннов...— мгновенно очнулся старик, как только Бабудай охотно вскочил на ноги, с благодарностью принимая предложение Льва.— Что ещё ты придумал, неразумный отрок?

— А что не так? Я же вроде правильно сказал: «украдём»! Честь профессии превыше всего...

— Остановись! — строго и торжественно попросил Хайям ибн Омар, и на лицо его опустилась тягостная тень воспоминаний.— Послушай старого человека, и ты поймёшь, как страшно расхотеть талант, дарованный тебе Аллахом, на низменные цели. Христиане говорят, что «благими намерениями вымощена дорога

в ад». Любой мулла подтвердит тебе, что «Мухаммед осеняет благодатью каждого, кто хочет его слушать. Кто не хочет, не услышит слов пророка. Но шайтан сам лезет в уши и к тем и к другим!». По сути своей это одно и то же... Эмир Багдада решился на праведное дело — он возжелал искоренить порок. Любой вор должен получить свою кару! И они получили... Все, от мала до велика. Прощенья не было никому. Сначала виновному отрубали руку... Джигит, укравший у бая коня для уплаты калыма; старик, подобравший плод, упавший с ханского дерева; женщина, схватившая горсть овса для голодных детей; ребёнок батрака, утолявший жажду из арыка богатого соседа... Стражники волокли всех! Ибо порок должен быть наказан, и праведность торжествовала победу на залитых кровью плахах... От закона не уходил никто, и перед законом эмира все были равны!

— Э... я, наверное, хочу извиниться...

— Молчи! Кто тебя учил перебивать старших?! — прикрикнул старик, но, глянув на поникшего Льва, смутился и даже погладил его по голове.— Прости меня, о мой непослушливый внук... Я дряхлый, выживший из ума верблюд, брызгающий слюной на всё, что не поддаётся его пониманию. Ты — молодой, горячий, на твоём челе печать избранности... Прошу тебя— не трать своих сил в погоне за отражением луны в колодце, но накажи эмира!

— Да я всего лишь...

— Накажи его! Достоинно накажи самого могущественного человека нашего Багдада. Ты должен это сделать, ибо, не удовлетворясь отрубанием рук, великий Селим ибн Гарун аль-Рашид приказал рубить головы!

— Что?! — обомлел Лев.— Даже детям?

Хайям и Бабудай-Ага скорбно кивнули. Не будем врать, будто бы Оболенский всю жизнь был праведным поборником справедливости, как, впрочем, и вместилищем всех грехов... Нет, в его русской душе одновременно уживались и буйный гнев, и братская любовь, и врождённое благородство, и лихое пренебрежение условностями, а кроме того, у парня было большое сердце... Сталкиваясь по роду своей профессии с разными уголовными маньяками, он яростно ненавидел всех негодяев, избиравших жертвой наиболее слабую и беззащитную категорию — невинных детей.

— Дедушка Хайям, шутки побоку, что я должен сделать? Обворовать эмира?!

— Этого мало...

— Замочить его в сортире? Ну, в смысле убить...

— Ай-яй, зачем говоришь такие слова? Ты же вор, о мой бестолковый, но уже почти любимый внук! Вор, а не убийца. Ложись спать. Завтра тебе предстоит долгий путь в славный город Багдад, да сохранит его Аллах вечно. Что же касается эмира... Я назову тебе имя человека, при помощи которого ты смешаешь грозного Селима с придорожной грязью. Но это — завтра! Сейчас — спи.

— Э... господин,— шёпотом поинтересовался джинн, когда Оболенский со вздохом попытался поудобнее устроиться на старой кошме,— а что ты там говорил о каком-то пиве?

— Пиво...— попытался припомнить Лев, облизывая губы.— Пиво — это, брат... это — религия! И пить его надо непременно ящиками...

— Ва-а-й, но Аллах запрещает правоверным пить вино!

— Вино? Правильно запрещает,— сонно кивнул будущая гроза Багдада.— Но пиво... Пиво Аллах пьёт! И ещё как! Можешь мне поверить.

На том и уснули. Льву снилась заснеженная Москва, троллейбусы, Арбат, храм Христа Спасителя, только он всё равно не помнил, где это находится... А пробуждение было ранним...

* * *

Верь в себя, ибо без воли Аллаха и волос не упадёт с головы твоей!

Слабое утешение лысых

Чёрный джинн растолкал его, когда солнце ещё только-только высунуло первые лучики из-за самых дальних барханов. Старый Хайям уже был на ногах и что-то укладывал в потёртый полосатый мешок. Заспанному Льву сунули в руки кусок сухой лепёшки и горсть липкого урюка. Умыться не позволили, экономя воду, но вдосталь напиться дали. На этот раз отошедший от дел составитель рубаи был категорично немногословен, на вопросы отвечал односложно либо вообще отмалчивался, отворачиваясь в сторону. Как более-менее выяснил Лев, Хайям ибн Омар намеревался отправить его в Багдад, а сам перенестись, с помощью джинна, куда-то на отдых. Тот факт, что его «уважаемый дедушка» едет на курорт, оставляя единственного «внука» мстить всемогущему эмиру, Оболенского нисколько не напрягал. Выросший в суровых условиях российской столицы, молодой человек полагал совершенно естественным то, что его, словно слепого котёнка, бросают одного в самую гущу водоворота жизни. Да нормально... Наоборот! Если бы старик уговаривал его остаться, Лев наверняка бы сбежал сам — сидеть на шее пожилого человека он не позволил бы себе никогда. А потому он потуже затянул пояс кое-как восстановленного халата, подтянул дырявые

штаны, сунул ноги в разбитые чуваки и с лёгким сердцем шагнул за порог хижины.

— Мешок возьми,— напутствовал его Хайям, и в глазах старика предательски блестели искорки влаги,— там еда, воды немного. Вот деньги еще, три дирхема медью... не спорь! Бери, купи себе место в караване. Через два дня будешь в великом Багдаде, а там уж решай сам... Я не смогу о тебе позаботиться.

— Да ладно, справлюсь как-нибудь...— беззаботно ответил Оболенский, принимая из рук джинна мешок и маленькую тубетейку. Национальный головной убор еле-еле уместился у него на макушке, выделяясь белым узором на фоне тёмно-русых кудрей.

— У караванщиков не воруй — побьют,— сразу предупредил старик.— Скажешь караван-баши, что тебе нужно найти лавку Ахмеда-башмачника, криворукого и плешивого, как коленка. Он приютит тебя... Постарайся найти Ходжу Насреддина, это ловкий юноша, веселит народ и успешно скрывается от слуг эмира. Целуй полы его халата и проси взять тебя в ученики. С его помощью ты одолеешь Селима ибн Гаруна аль-Рашида...

— Насреддин, Насреддин... что-то смутно припоминаю...— задумчиво пробормотал Лев.— Это не тот, что ездит на сером ослике, кидает лохов и травит байки при каждом удобном случае?

— Ва-а-х! — тихо восхитился джинн.— Хозяин, он и вправду много знает!

Хайям сердито цыкнул на него и вновь повернулся к герою нашего повествования:

— Видимо, Аллах внушил тебе тайные откровения, о которых ведают немногие... Но на прощание прими несколько мудрых советов, и, если они дойдут до твоего сердца, ты проживёшь долгую и счастливую жизнь. Не пей вина! Никогда не доверяй женщине! Почитай

Аллаха всемилостивейшего и всемогущего превыше всего на земле!

— Вот те крест! Не подведу...— искренне поклялся Оболенский, широко осеняя себя крестным знаменем. Старик в ужасе прикрыл глаза ладонками и тихо застонал. Похоже, все его потуги гуськом шли насмарку. Из этого северного тугодума никогда не получится настоящего вора! Но... отступить уже некуда и некогда. Дело сделано, и с чисто восточным фатализмом уважаемый Хайям ибн Омар постарался довести всё до конца...

— Вон там, за тем большим барханом,— караванная тропа. Четырнадцать вьючных верблюдов, идущих из Бухары с ценной поклажей, будут там, едва солнце вознесётся к зениту. Тебе надо спешить... Во имя Аллаха, да будет он вечен на небесах, я благословляю твой путь!

— Что ж... и тебе до свидания, дедушка Хайям.— Будущий вор попытался вновь обнять «родственничка», и тот не протестовал.— Ты пришли открытку из своего санатория, а как наотдыхаешься — звони. Или лучше сразу приезжай, я сниму какой-нибудь домик в Багдаде и буду ждать.

— Приеду... обязательно... когда-нибудь...— стыдливо опустив глаза, забормотал старик, а Лев, помахав рукой, широким шагом двинулся в направлении указанного бархана.

— Бабудай-Ага! Береги дедулю! Вернетесь вместе — с меня пиво-о...

— Он хороший человек, хозяин...— задумчиво признал джинн, когда Хайям развернулся обратно к хижине.

— Хороший... только вор из него плохой... Никудышный вор! Городская стража схватит его в одно мгновение, а значит, ещё одна голова упадёт к ногам

эмира. Этот юноша уже несёт на себе тень крыльев Азраила... Всё, больше ничего не хочу о нём слышать!

— Увы, мой господин,— криво улыбнулся чёрный Бабудай,— мне почему-то кажется, что ты ещё о нём услышишь... Клянусь шайтаном! Да мы все о нём услышим, и не раз...

А Багдадский вор — Лев Оболенский шёл себе и шёл, размашисто двигаясь к далёкому бархану, и знойное солнце Азии щедро заливало его дорогу золотом. Он не понимал, как мало подходит для той роли, что навязала ему злая судьба. Огромный рост, крупное телосложение, голубые глаза и светлая кожа — уже одного этого хватало, чтобы сделать его примерно столь же «незаметным», как медведя в гербарии. Добавьте к вышеперечисленному полное незнание Востока как такового, чисто православную набожность, редкую (но меткую!) ненормативную лексику, да плюс ещё явное несоответствие системе общественных взаимоотношений, которой он собирался противостоять... Поверьте, я вас не запугиваю. Мне самому было безумно интересно понять психологию человека, искренне намеревавшегося проломить стену лбом. Крепким, упрямым, русским лбом... Оболенский впоследствии рассказывал, будто в его светлой голове на тот момент не было ни одной, даже самой захудалой, мыслишки о том, что он может и не... победить. То есть инстинкт самосохранения отсутствовал напрочь! Льву крепко «проехались по ушам», а так как он принял весь бред коварного Хайяма за чистую монету, то и вёл себя соответственно. Он — вор? Отлично, значит, будем воровать! Он должен отомстить насаждающему законы яйцеголовому эмиру с явными садистскими замашками? Да от всей широты необъятной славянской души! Селиму ибн Гаруну аль-Рашиду лучше было бы не ждать неизбежного, а резко прятаться где-нибудь в

замороженных Гималаях, приняв монашество и отрёкшись от всех земных благ. Эмир этого не сделал— он просто не знал, что по барханам пустыни уже идёт его самый страшный ночной кошмар, Багдадский вор— Лев Оболенский!

* * *

Пустыня — от слова «пусто»...
Глубокое прозрение бедуинов

На караванную тропу он скорее выполз... Оказалось, что это не так близко, расстояния в пустыне обманчивы. А ходить по песку совсем не то, что по асфальту: ноги проваливаются по щиколотку и быстро устают. Спустя пару часов Лев взмок, как собака, снял чупаки, сунув их за пазуху, но каждый шаг всё равно давался с большим трудом. Опытный Хайям отправил его в путь на рассвете, когда солнце ещё не вошло в силу и можно было успеть добраться до места, не рискуя изжариться живьём. Для любого жителя Средней Азии трёх-, четырёхчасовая прогулка утречком по прохладному песочку была бы сущим развлечением, но изнеженному городским транспортом москвичу это казалось разновидностью смертной казни. Оболенский не помнил, где упал в первый раз, как потерял мешок с лепёшками (воду он выдул ещё в начале пути)... и, кувыряясь с очередного бархана, смачно ругался матом. Его лицо и руки мгновенно обгорели на солнце, став красными, словно их долго натирали наждачной бумагой. А обещанный караван спокойненько прошёл бы мимо, ибо спешил в Багдад, но Лев умудрился опоздать даже на опаздывающий караван (если так можно выразиться)... Его спасло только то, что замы-

кающей верблюдице неожиданно приглянулась одинокая колючка, и, пока она её дожёвывала, наш путешественник на пузе съехал вниз с соседнего бархана. Погонщик уже тянул верблюдицу назад, на караванную тропу, как вдруг узрел молодого человека, поймавшего бедное животное за хвост.

— Вах, вах... ты что делаешь, разбойник?! Сейчас же отпусти мою бедную Гюльсар, или я отважу тебя кизиловой палкой!

Оболенский кое-как поднялся на ноги, но хвост не выпустил. От жажды его горло пересохло, он пытался что-то объяснить, не сумел и в нескольких супервыразительных жестах дал понять азиату, что устал, что хочет пить, что очень торопится в столицу эмирата, что у него плохое настроение и что если погонщик ему не поможет, то...

— Ах ты, шайтан бесстыжий! — ахнул хозяин верблюдицы.— Да как ты посмел мне показывать руками такое?! Эй, правоверные!!! Саид, Ильдар, Абдулла, Бахрам, всё сюда, здесь оскорбляют мусульманина!

Лев раздражённо застонал, он же не мог предполагать, что самый демократичный язык жестов у разных народов может иметь разное значение. Караванщики сбежались на вопли товарища, как на сигнал боевой трубы. Оболенского мигом окружило человек шесть с палками, плётками, а кое-кто и с кривыми ножами за поясом. Лев уже скромненько выпустил верблюжий хвост, а погонщик всё кричал, будто его обозвали плешивым пьяницей, не имеющим рода и не знающим имени отца, да ещё и сожительствующим с собственной косоглазой верблюдицей! Все ахали, возмущённо качали головами, цокали языками и уж совсем было взялись прочить бродягу-наглеца, как в дело вмешался сам караван-баши.

— Уй! Что галдите, как вороны на скотобойне?! А ну, быстро по своим местам, негодные лентяи!— Потрясая камчой, толстый человек на низкорослой лошадке сразу разрешил все проблемы. Поняв по одежде и манере властного хамства, что перед ним начальство, Оболенский отвесил поясной поклон, присел в реверансе, отдал честь и на всякий случай ещё отсалютовал рукой на манер «хайль Гитлер!».

— Ты кто такой? — Караван-баши носил имя Гасан-бея, отличался похотливым нравом, жадностью, подлостью и всеми отрицательными качествами, приличествующими прожжённому восточному купцу. Он мигом оценил рост и сложение виновника остановки, прикинул, сколько могут уплатить за такого раба на невольничьем рынке, и, махнув плетью, приказал дать Льву воды. Оболенский тоже был не дурак и умел худо-бедно разбираться в людях, поэтому, одним глотком осушив предложенную пиалу, он тягуче заныл чем-то безумно знакомую мелодию:

— А-а-а-я, дорогие граждане пассажиры! Прошу прощения, шо потревожили ваш покой. Мы сами люди не местные, сюда приехали случайно, на вокзале у нас покрали билеты и деньги... А-а-а-я, помогите, кто чем может!

— Я спросил, кто ты такой? Отвечай, попрошайка!— Гасан-бей привстал на стременах и угрожающе замахнулся камчой. Если он привык поднимать руку на беззащитных людей, то в этот раз глубоко просчитался. Даже не моргнув глазом, благородный потомок русского дворянства вздёрнул подбородок и ледяным тоном сообщил:

— Я — агент! Специальный шпион ФСБ из тайной службы эмира. Брожу инкогнито по пустыням с секретным заданием и даю отчёт в своих действиях дол-

жностным лицам званием никак не ниже генерал-майора!

Раскосые глаза восточного купца невольно забегали под прокурорским взглядом потрёпанного афериста. Караван-баши мало что понял, но уловил общую концепцию: этот тип слишком самоуверен для простого бродяги. Поэтому он широко улыбнулся и приветливо предложил:

— Наверное, слишком утомился в пути, раз уже не вижу очевидного. Не давай своему гневу разгореться, о храбрый юноша, пойдём со мной, и ты откроешь мне имя твоих благородных родителей.

— Ага, как же, так я тебе всё и открыл...— буркнул Лев, но за всадником пошёл, справедливо полагая, что влияние этого толстого негодяя он сумеет использовать с выгодой для себя. Ну, в самом крайнем случае просто украдёт лошадь и сбежит... Правда, ездить он не умеет, но как именно надо красть лошадей, Оболенский откуда-то знал. Спасибо джинну...

Гасан-бей и вправду принял молодого человека под своё покровительство, угостил мягкими лепёшками, овечьим сыром и даже пообещал дать вина, как только караван остановится на ночь. Лев царственно-небрежно принимал все знаки внимания, о своём «уголовном происхождении» разумно помалкивал и на неприятности не нарывался. Монеты, данные ему на дорогу дедушкой Хайямом, он так и хранил завязанными в поясе, никому ничего особенно оплачивать не собираясь. Старик немного переувлёкся, вбивая в его буйную голову этикет воровской чести. Не знающий разумных пределов, россиянин охотно впадал в крайности и мысленно поклялся себе: впредь ничего не покупать, а только красть, красть и ещё раз красть! К тому же караванщики, включая погонщиков и охрану, казались такими наивными, что не обворовать

их было бы просто грешно... И, невзирая на предупреждения мудрого Хайяма ибн Омара, Лев твёрдо решил этой же ночью обокрасть весь караван! Вообще-то первоначально он и сам караван намеревался спереть (в смысле, всех вьючных животных с поклажей, а также личные вещи невинных граждан), но вовремя понял, что сбагрить такой товар в пустыне будет не просто, а дорогу на Багдад он в одиночку не найдёт...

Путь был долгим. Мерная верблюжья поступь выматывала до тошноты. Дважды Оболенский просто засыпал, уткнувшись носом в пушистый холм верблюжьего горба. Оба раза просыпался оттого, что его страшно кусали какие-то мелкие паразиты, которые разгуливали по кораблям пустыни, как по натёртой палубе. Солнце палило нещадно! Если бы не старая добрая тубетейка, наш москвич давно свалился бы с тепловым ударом. Пыль летела в нос, пески казались нескончаемыми, а Лев начинал всё сильнее задумываться над одним очень принципиальным вопросом: если он родился и вырос на Востоке, как и все его предки, так отчего же ему тут так... некомфортно?! Где-то на исходе дня Гасан-бей объявил привал, и Оболенский уже точно знал, за что он не любит свою «малую родину» — за жгучий песок, несусветную жару и блохастых верблюдов!

* * *

Напилася я пья-а-ной,
Не дойду я до до-ому...

Песня злостной нарушительницы Шариата

...Когда Гасан-бей прилюдно предложил Льву провести ночь в его походном шатре, караванщики лишь криво улыгнулись. Древние традиции восточных на-

родов вполне официально позволяли взрослому мужчине возить с собой мальчиков для «согревания постели». И хотя возраст нашего героя давно перешагнул даже за предельные границы юношества, подобное приглашение со стороны купца не выглядело чем-то противоестественным. В самом деле, за еду, питьё и охрану следовало платить, а раз молодой человек не предлагает денег, значит, он готов расплатиться иначе. Единственной наивной душой, не ведающей, зачем его пригласили в шатёр, был сам Лев Оболенский. Где-то в самых затаённых глубинах его памяти, на уровне тонкого подсознания, отложилась мысль о том, что если тебя зовут в отдельный закуток, намекая на выпивку,— то будет пьянка! Обычная мужская пьянка, на всю ночь, с долгими разговорами о женщинах и политике, короткими тостами, гранёными стаканами, килькой, колбасой и малосольными огурцами. Потом короткий сон, мучительное похмелье, пустые карманы и смутное ощущение полной амнезии... Примерно это и считается в России — «хорошо посидеть». У Гасанбея были иные планы...

— О мой юный друг, давай вместе откупорим кувшин этого старого вина и, воздав хвалу Аллаху, наполним маленькие, китайского фарфора пиалы, дабы сердца наши возвеселились, а уста возрадовались!

— Хороший тост,— сразу же согласился Лев, удовлетворённо разглядывая накрытый купцом дорожный дастархан.— Только пить из этих пипеток я не буду — это ж срамотища полнейшая! Неужели нельзя достать нормальную посуду?

Караван-баши подумал и освободил двухлитровую миску из-под винограда.

— Годится. И себе что-нибудь поприличней возьми. Я ж не забулдыга какой... Будем пить на равных!

— Конечно, о мой юный друг!.. Разумеется, о краса моих очей! Как ты захочешь, о немеркнувший светоч моего счастья! — радостно подтвердил Гасан-бей. Будучи сорокалетним мужчиной, опытным в делах такого рода, он наверняка надеялся, что после первой же миски молодой человек опьянеет и сдаст все позиции. Ну что ж... видимо, до этого момента он ни разу не пил с россиянином. В течение первого часа из шатра доносились поэтично-витиеватые славословия и громкий голос Оболенского грозно настаивал на том, что тостуемый пьёт до дна! Охрана и караванщики, ещё не успевшие уснуть, с лёгким интересом прислушивались к отдельно долетающим фразам:

— Э... не перебивай меня! Так вот, а Петька и говорит Василию Ивановичу...

— Вай мэ! Твое дыханье мирр и воздух благовонный! Твой стан — как кипарис, тебе подобных нету...

— А вот тебе, браток, лучше дышать в сторону... И насчет стана ты перебрал, но... в целом мне нравится! Давай ещё за добрососедские отношения?

— Твой взгляд как лик реки, рассвету отворённый! И тело — как луна по красоте и свету!

— Гасан, я щас прям краснеть начну...

Примерно спустя ещё минут сорок из шатра пулей вылетел красный караван-баши. Бочком-бочком, просеменя к сложенным тюкам с товаром, он вытащил ещё один кувшин и, честно стараясь держать равновесие, потрюхал назад. Разочарованный вопль Льва разбудил едва ли не пол-лагеря:

— Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесёт! Нет, ну ёлы-палы... дай сюда, я сам разолью!

Теперь уже многим оказалось не до сна. Голос Гасан-бея звучал всё визгливее и односложней, с заметным спотыканием и искажением падежей. Мужественный рык Оболенского, в свою очередь, только на-

полнялся благородной медью, а тосты, потеряв в размере, поражали лаконизмом и значимостью:

— За Аллаха! За его супругу! Как нет супруги?! Тогда за детей! Дети есть, точно тебе говорю... Мы — его дети! За мир во всём мире! Хрен шайтану! Да здравствует товарищ Сухов! За улыбку твою! За Мухаммеда! За... чё, всё кончилось?! Гасан... это несерьёзно! Идём вместе...

На этот раз из-под откинутого полога вышел только Лев, счастливого в зюю купца он почему-то выволоч с другой стороны, приподняв тряпичную стену. Потенциальный насильник и неупоимая жертва в обнимку добрались до тюков и, невзирая на осуждающие взгляды истинных мусульман, уволокли с собой сразу три кувшина. Часом позже на ногах был уже весь лагерь! Проснулись даже невозмутимые верблюды. Хотя животные и утомились долгим переходом, но спать, когда пел Оболенский... не смог бы никто! Даже сам Лев ни за что не сумел бы вспомнить, откуда он знает тексты таких популярных на Востоке песен, как «Катюша», «Задремал под ольхой есаул молоденький», «Мальчик хочет в Тамбов» и классическую битловскую «Йестудей». Пьяно аккомпанирующего ему на пустом кувшине Гасан-бея это тоже несколько не волновало... Но самое главное, чуть-чуть подуспокоившись и добив остатки вина, наш нетрезвый герой откровеннейше признался собутыльнику, что он — вор! В ответ на это еле ворочающий языком купец, косея от усердия, шёпотом признал, что он — тоже! Всласть похихикав над этим страшно весёлым совпадением, оба умника дружно порешили сей же час пойти и всех ограбить... В смысле, обокрасть на фиг весь караван! Благо обнадёженные минутным затишьем люди, как убитые, повалились спать... Воспользовавшись этим приятным обстоятельством, алкоголики на четвереньках кое-как выползли из походного шатра и пошли на «дело». Га-

сан-бей пьяненько хихикал, потроша дамасским ножом тюки со своим же товаром. Лев нашёл где-то большой мешок и пихал в него всё, что плохо лежит. Впрочем, и что хорошо лежало, тоже не миновало мешка — порхающие пальцы «искуснейшего вора» виртуозно освобождали спящих от любых материальных ценностей. Особенно Оболенскому понравилось красть тубетейки. Почему именно их? Попробуйте спросить пьяного — вот втемяшилось, и всё! Когда мешок был практически полон, к молодому человеку, пританцовывая, дочикилял караван-баши. Судя по всему, он никогда в жизни не был так счастлив... Аллах действительно запрещает мусульманам пить вино, и правильно делает! Ибо по четыре с лишним литра на брата выдержанного креплёного красного уложат кого угодно, а уж эти двое оторвались от души... Гасан-бей напялил поверх дорогого халата чью-то рваную доху и завязал лицо чёрной газовой тканью, имитируя мавра. Ему это казалось очень смешным, и Лев вежливо поохотал вместе с главой каравана. После чего, вспомнив, что в шатре ещё что-то осталось, он опрометью бросился за вином. Кстати, зря... всё кувшины были пусты, и Оболенский, матерно определив несовершенство мира, рухнул, как дуб в грозу, уснув совершенно непробудным сном. Здесь комедия заканчивается и начинается трагедия... А начинается она с того, что хитроумный Гасан-бей, изображающий мавра, тоже поперся в шатёр, но по дороге споткнулся о двух погонщиков, и без того раздраженных грозowymi раскатами Лёвиного негодования... Узрев с полусонья несуразно одетого незнакомца с рулоном размотанной парчи под мышкой и ножом в руке, караванчики мигом сообщали, что происходит:

— Вай дод! Караул!! Грабят!!! Вставайте, правоверные, держите вора-а-а...

* * *

На хорошем воре — чалма не горит.

Профессиональный фокус

Глава бухарского каравана едва не задохнулся от пьяного смеха, глядя, как вокруг него быстренько группируются невыспавшиеся погонщики верблюдов. Ему то наверняка казалось, что его сразу узнают и разделят веселье, видя, какую смешную шутку отчебучил их благородный господин... Гасан-бей не учёл скудного ночью освещения, своего маскарадного костюма и, самое главное, огромного мешка, валявшегося у его ног. Да, да, того самого, в который гражданин Оболенский старательно складывал всё, что успел умыкнуть у тех же караванщиков. На голову нарушителя заповедей Аллаха была наброшена драная кошма, а кизилловые и карагачные палки в умелых руках погонщиков споро взялись за работу, выколачивая из кошмы пыль. Ну и попутно вколачивая в «бессовестного вора» уважение к Корану... Бедный Гасан-бей взвыл дурным голосом! Причём, на свою голову, настолько дурным, что народ сразу догадался: в кошме завернут сам шайтан! (Ибо человек так орать не станет, а уж правоверный мусульманин тем более.) Поэтому, дружно призвав на помощь Аллаха, погонщики удвоили усилия. Масло в огонь подлило ещё и отсутствие караван-баши. Двое пареньков помоложе быстренько сбегали к походному шатру, но внутрь заглядывать не решились, так как доносившийся богатырский храп ясно свидетельствовал о том, что спальное место не пустует. А «шайтаноподобного вора» связали, не вынимая из кошмы, и, посоветовавшись, отложили до утра, на справедливый суд уважаемого Гасан-бея. Шум утих, украденное имущество кое-как разобрали, и лагерь быстро впал в ко-

роткий и сладкий предрасветный сон. А уж что началось утром, когда стонущий с похмелья Лев выпал из шатра, шумно требуя подать сюда его друга Гасана... Когда он собственноручно развязал кошму с побитым собутыльником и караван-баши клялся святой бородой пророка Мухаммеда, что он всех тут поперезарежет... Когда, после массовой экзекуции теми же кизиловыми палками, погонщики, почесывая задницы, гадали, кто же на самом деле воровал тюбетейки... Об этом можно было бы расписывать долго, но зачем? И без того наше повествование напоминает мне длинную дорогу в пустыне, где усталый взгляд путешественника замечает любую, самую маленькую деталь однообразного пейзажа, а вечера у костра услаждают слух чужеземца дивными сказками Шахерезады... Всё хорошо в меру, и описательность тоже,— для нас главное, что вечером того же дня караван Гасан-бея вышел к славному городу Багдаду. Но заночевать пришлось у его стен... По указу эмира городские ворота запирались на закате. Опохмелённый с утра Оболенский, подумав, счёл, что это ему только на руку, так как снова страшно хотел хоть что-нибудь украсть. Тащить весь караван не имело смысла, но и не спереть совсем ничего — тоже не радовало душу. Истинный вор не имеет права на лень и праздность, однако прежде стоило запастись полезной информацией. И Лев отправился на поиски активно избегавшего его Гасан-бея...

— Что тебе надо, о лукавый искуситель?

— А хорошо ведь вчера посидели, Гасанушка...

— Вай мэ, думай, что говоришь, а?! Да на мне места живого нет!

— Так я и говорю: лучшее лекарство — накатить на грудь по пол-литра и завтра с утречка встанем, как огурчики!

Караван-баши долгим взглядом посмотрел в голубые глаза Оболенского, безуспешно пытаясь отыскать там хоть каплю стыда. Ага... как же! Если ему что и удалось разглядеть, так это только наивно-детское удивление, ибо, как говорят в России, «долог день до вечера, если выпить нечего».

— Нет больше вина.

— Что, совсем нет?!

— Совсем! — отрезал купец. — О Аллах всемилостивейший, ты видишь с небес все мои поступки... Подскажи, чем я оправдаюсь перед начальником городской стражи, благородным господином Шехметом? Он велел привезти ему пять кувшинов дорогого шахдизарского вина. Из уважения к его должности и горячему нраву я закупил сразу шесть...

— Минуточку, — мгновенно подсчитал Лев, — а мы вчера выпили только пять. Гасан, ты зажатничал от друга ещё один кувшин!

— Нет! Не дам! Ни за что не дам! Совсем меня погубить хочешь?! — взвыл караван-баши, и погонщики с охранниками встали на его сторону. Они вообще смотрели на Оболенского с неприязнью... Во-первых, им дорогого вина не довелось попробовать ни глоточка, а во-вторых, белокожему нахалу не досталось и капли того, что с лихвой получил каждый в злополучном караване, — гибких кизиловых палок!

Лев помрачнел, но сделал ещё одну попытку к примирению:

— Тогда, может быть, зафинтилим куда-нибудь к девочкам? Где тут у вас ближайший гарем?..

— Во дворце багдадского эмира... — едва не задохнувшись от ужаса, выдал Гасан-бей, а уже через минуту завопил в полный голос: — Разрази тебя шайтан, о коварнейший из агентов! Ты что, прислан вести среди мусульман крамольные речи и тайно докладывать о

тех, кто внимал тебе с радостью?! Истинно правоверный даже помыслить не дерзнёт о гареме эмира...

— А он большой? — шёпотом уточнил молодой человек.

— Да как смеешь ты спрашивать о том, куда и весеннему ветру нельзя заглянуть без воли великого Селима ибн Гаруна аль-Рашида?! — охотно завёлся караван-баши, а все, кто присутствовал при разговоре, навострили уши и вытянули шеи.— Гарем повелителя нашего — святое место, ибо отдыхают там дочери Востока и Запада, Севера и Юга. Золотоволосые красавицы румийки, с телом розовым, словно нежная плоть раковины. Чернукудрые индианки, натирающие себя благовониями и красящие ступни ног в красный цвет. Желтокожие прелестницы Китая, коим нет равных в искусстве любви и управления энергией «ци». Крутобёдрые персидские танцовщицы, чей живот сводит мужчин с ума. Чёрные нубийки, известные ненасытной страстью, а также тем, что к ним не выйдешь без плётки. Синеглазые славянки, чья верность известна повсеместно, как и умение пить араку. Стройные девушки Аравии, выжженные солнцем до цвета меди, с тугими грудями и множеством браслетов на руках.

— Ещё! — воодушевлённо заплодировал Оболенский, пока Гасан-бей переводил дух. На этот раз Льва поддержал одобрительными выкриками весь караван. Бедного купца затрясло, он закусил рукав халата и опрометью бросился в свой шатёр, дабы не рассказать ещё чего лишнего... Поняв, что продолжения не будет, недовольные слушатели разбрелись по своим местам, укладываясь спать. Начинаящий вор никуда не пошёл, в шатёр не звали, куда-то ещё — тем более, да и не очень-то хотелось... Лев привалился спиной к тёплому боку верблюдицы Гюльсар и, мечтательно глядя на чистейшие звёзды Востока, строил деловые планы на

завтрашний день. Конечно, надо бы в первую очередь найти башмачника Ахмеда и выяснить у него насчёт Ходжи Насреддина. Однако, с другой стороны, после пышных восхвалений достоинств гарема гражданина эмира никого искать уже не хотелось. Оболенский понял, что главной достопримечательностью Багдада является гарем градоначальника. А следовательно, это самое первое, что стоит посетить завтра же. И никак не откладывать в долгий ящик...

* * *

Глядя на человека, верблюд может только плевать...

«Гринпис»

Честно говоря, мне самому интересно, откуда у простого бухарского купца такие сведения... Оболенский впоследствии уверял, будто бы очень многие коммерсанты того времени имели по несколько жён, причём в разных странах. А ведь кроме того были ещё наложницы, рабыни и просто «дарительницы удовольствий». Так что о качествах женщин Гасан-бей действительно мог знать немало. Ну а то, что в гареме самого эмира собраны красотки со всех концов света, однозначно не подлежало сомнению! Так считали все, ибо это было признаком богатства и знатности. Думаю, что и сам эмир охотно поддерживал такие слухи...

Помечтав примерно до полуночи, Лев взялся за работу. Надо признать, что, будучи по натуре царственным сибаритом, он всё-таки умел трудиться и не ленился приложить руки к достижению собственного блага. Ещё в пути, выяснив, что за проход в город придётся платить страже пошлину, наш герой быстро прикинул план наиболее экономного проник-

новения в Багдад. С этой целью он скромно подкатился к костру шестерых охранников. Те, естественно, не спали, а тихо потрошили барашка, дабы скоротать ночь не на голодный желудок. Оболенского они к столу не пригласили, но он нечто подобное и предполагал, а потому, потолкавшись у них на виду, очень громко и несколько раз повторил, что ляжет спать поближе к верблюдам. Никто и не заметил, как, уходя, Лев стащил небольшой кусок сырой бараньей печени. Дальше было совсем просто... Подойдя к стреноженным на ночь животным, Оболенский храбро мазанул трёх-четырёх печенью по носам и, убедившись, что морды верблюдов запачканы кровью, начал снимать с себя одежду.

— Буду я ходить в этом старье, ждите...— бормотал он, стягивая узкий халат.— Вор должен одеваться прилично! В противном случае его и уважать не за что... Думаю, Гасан на меня не очень обидится. К тому же о безвременно усопших страшной смертью от зубов верблюда плохо не думают... Грех! Аллах накажет, как пить дать...

Дедушкины монеты Лев на время сунул за щёку, тубетейку, халат, штаны и тапки живописно разбросал по песку и, выжимая из бараньей печёнки последние капли крови, «пометил» ими всё «место преступления». После чего, аккуратно заметая следы, в голом виде допрыгал до шатра караван-баши и, порывшись в его тюках, подобрал себе более сносный костюмчик. А уж передевшись, профессионально закатался в большой мешок с дешёвыми женскими шароварами из Китая. Да, как вы, наверное, уже догадались, заветный кувшин он благополучно перетащил с собой...

— Мне начинает нравиться это дело! Видимо, гены берут своё... К тому же настоящему профессионалу всегда нужна практика. Держись, Багдад! Я намерен красть со страшной силой! Твоё здоровье, эмир...